

войны, преступна. Въ этомъ утвержденіи и лежитъ корень Толстовскаго отрицанія Церкви. Вѣдь если эмпирическій міръ невозможенъ безъ зла и въ немъ всегда будутъ воевать, если путь Церкви лежитъ не чрезъ выдуманный и несуществующій Маниловскій міръ, а реальный, полный крови, слезъ и борьбы, — то, очевидно, Церковь не можетъ уклониться отъ живого участія въ этой борьбѣ и никогда не можетъ по-Пилатовски умывать себѣ рукъ. Только война при благословеніи Церкви становится *священной* войной и священна ровно настолько, насколько участники ея борются за *духовныя сокровища вѣры и за высокія права историческаго призванія*. При оскудѣніи вѣры оскудѣваетъ и священность войны, но тогда грѣхъ и ужасъ войны въ оскудѣніи вѣры и идеаловъ, а не въ ней самой. Церковь считасть эмпирическій міръ тяжкимъ болѣзненнымъ состояніемъ; тогда какъ для Толстого міръ нашъ очень даже хорошъ, особенно если въ немъ появляются время отъ времени такіе прекрасные люди, какъ Нехлюдовъ. Толстой въ мирѣ съ міромъ и потому враждуетъ съ Церковью, которая съ міромъ не въ мирѣ, а во враждѣ, ибо чаесть и мира и міра другого. Толстой, какъ ни радикаленъ онъ съ виду, хочетъ очень *немногого*. Если всѣ люди перестанутъ курить, пить, убивать, то вотъ оно и пришло Царство Небесное и всѣ чаянія языковъ сбылись. Не говоря о Маниловской несбыточности и нарочитой придуманности этихъ воздушныхъ замковъ, Толстой-Нехлюдовъ въ странномъ душевномъ ослѣпленіи забываетъ одинъ страшный фактъ: *смерть*. Какъ ни мечтателенъ князь, но вѣдь не можетъ же онъ серьезно надѣяться, что вѣчные боги, умиленные добродѣтельностью его Нехлюдовскаго потомства, одарятъ ихъ въ знакъ своего восторга *безсмертіемъ* и изведутъ изъ царства тлѣнія, смерти и времени въ новыя сверхчувственные условія существованія? Но если и въ царствѣ небесномъ будетъ царить *смерть*, какая разница между нашимъ теперешнимъ міромъ и тѣмъ? Теперь на сто, а можетъ и на тысячу человѣческихъ смертей приходится одна смерть отъ убійства на войнѣ, тогда всѣ сто и всѣ тысячу смертей будутъ „естественными“. Что же измѣнится? Одна сотая или одна тысячная зла. И неужели бочка дегтя станетъ сладкой отъ одной капли меда? Но, можетъ-быть, со смертью нужно „примириться“ и признать ее явленіемъ нормальнымъ и благодарить Хозяина за это мудрое и благодѣтельное установленіе? Но тогда